

Максим Горький

Идиллия

В маленькой комнатке с низким, закопчённым потолком слабо мерцает лампада пред божницей в углу. Её дрожащий свет родил на стенах неустанно трепещущие, пугливые тени, и они, ползая вверх и вниз, то покрывают собой, то открывают яркие, дешёвые картинки, изображающие «Страшный суд», «Путь праведника и грешника» и другие ужасы в этом роде, иллюстрирующие достоинства добродетели и недостатки порока.

Кроме мерцания лампады, в комнату входит ещё длинная полоса света откуда-то извне, сквозь стекло четырёхугольного отверстия в низкой, обитой клеёнкой двери. Эта полоса ложится светлой тропой на пол, покрытый холщёвым половиком, и уходит под стол. Пахнет деревянным маслом и ещё чем-то, таким же тяжёлым. Вся комната тесно заставлена. По одной её стене стоит широкая двуспальная кровать, за спинкой кровати — громадный, покрытый ковром, сундук, потом божница. У другой стены помещается неуклюжий, старинный комод, рядом с ним опять большой сундук, за ним — стол, а между столом и дверью на стене висит гора одежды.

Впереди, у широкого окна, стоит ещё стол, два стула по бокам его, один посередине, на столе лампа, две рамки с портретами и толстая книга в коже.

В окно смотрит тёмно-синее небо летней ночи, молчаливое и меланхоличное, с золотыми крапинками беспокойно дрожащих звёзд. Порой стёкла окна дребезжат от шума проехавшей по улице пролётки. Полумрак в комнате увеличивает размеры загромождающих её предметов, и от безмолвной игры теней всё свободное пространство среди комнаты кажется населённым призраками. Яркие пятна картин на стенах смотрят, как чьи-то четырёхугольные, большие и уродливые глаза. И всё в этом тесном чулане пропитано безмолвием и тяжёлым, мёртвым запахом.

Светлый четырёхугольник в двери иногда застилает собой какое-то тёмное тело... Тогда полоса света на полу вздрагивает и на секунду исчезает, потом снова является, как широкий меч, вонзаясь в сумрак и пугая своим появлением населяющие его тени. Но безмолвие не оживляется этим движением света; только из-за двери доносятся в пустоту комнаты щёлканье косточек счёт, характерный звон денег и удары чем-то тяжёлым по доске.

...Дверь открывается, и в комнату входит маленький, сухой старик, с острой, седой бородкой,

в тяжёлых очках на красном, хрящеватом носу, в белом, длинном переднике и с лампой в руке. За ним стоит, держась за скобку двери, старушка, сгорбленная временем, с головой, наклонённой к земле. Они оба окидывают быстрым взглядом внутренность каморки; старик ставит лампу на стол, крестится и сиповато говорит:

— День прошёл и — слава богу!

— Слава те, господи! — вторит ему старуха. — Чайку попьёшь?

— Уж известно!

И старушка возвращается назад в помещение, заваленное мешками муки, ящиками, банками.

Это — маленькая бакалейная лавочка на захолустной улице города. В ней продают коленкор и дёготь, иголки и сено, угли, хлеб, нитки, табак, кислую капусту — всё, что ежедневно нужно людям, считающим деньги копейками.

Пока старушка возится в лавке, старик проходит вперёд к столу и ставит лампу, тихо напевая себе под нос какой-то тропарь. Комната сразу принимает жилой вид, и теперь можно ясно разобрать неопишуемые муки грешников на картине «Страшного суда».

— «И-им же тя хва-а-лим...» Мать! Захвати-ка-сь счёты оттуда...

— Знаю, чай... — ворчливо отвечает старушка, гремя чайной посудой.